

попал в число лиц, деятельность которых запрещена или ограничена, и пр.) — это совсем другое дело. То же рассуждение должно применяться к претензиям, искам и иным действиям по обеспечению, охране и защите прав: *не могут они быть* совершены (предъявлены) в очном или удаленном режиме — да, есть основание апеллировать к подп. 1 п. 1 ст. 202 ГК РФ; *могут* — так и о чем тогда говорить? В случае со страхованием нужно, конечно, смотреть на условия договоров: предполагают ли они покрытие по *всем* рискам, *рискам определенного рода или вида* либо же, наконец, по каким-то *строго определенным рискам* — в зависимости от этого и делать соответствующие выводы.

Разумеется, необходимо обсуждение пандемии и с точки зрения ее влияния на *трудовые* права и обязанности, на права и обязанности в области *социального обеспечения*, добровольного и обязательного *медицинского страхования*, на исчисление *процессуальных сроков*, на *третейское правосудие*, на права хозяйствующих субъектов в области *проверок*, применения и исполнения *административных наказаний* и т.д. Эти вопросы должны быть предметом обсуждения специалистов в соответствующих областях права. Но как бы то ни было, **пандемия — это не повод для того, чтобы положить российскую экономику на бок и уж тем более потопить ее, используя болезнь как предлог к тому, чтобы ничего не делать.** Внимательно отнестись к собственному и чужому здоровью, к рекомендациям врачей и требованиям властей — да, конечно, необходимо; если для этого что-нибудь может быть отложено без сколько-нибудь вредных последствий (вроде голосования по поправкам в Конституцию) — это должно быть отложено. Но — ровно настолько, насколько это *действительно необходимо и возможно, не более!* Именно с этой точки зрения, кстати, должно осуществляться и **толкование** всех ограничительных государственных мер и предписаний.

Ну а иное отношение к пандемии («Это ж непреодолимая сила! Можно законно „забить“ на работу и сесть перед телеком с банкой пива!») весьма похоже на вопли нерадивых учеников из серии «Ура, училка заболела, алгебры не будет!».

РОМАН БЕВЗЕНКО

партнер компании
«Пепеляев Групп»,
кандидат юридических
наук

— На мой взгляд, для обсуждения пандемии коронавируса российским юристам необходимо уверенно знать три основных института договорного права.

Первый — последствия наступления обстоятельств непреодолимой силы. Это освобождение должника по обязательству от ответственности за его нарушение. Иными словами, с должника, нарушившего обязательство вследствие этих обстоятельств, нельзя взыскать неустойку или убытки, проценты по ст. 395 ГК или моральный вред.

Абстрактно пандемия коронавируса вполне себе тянет на непредвиденное, непредотвратимое и непреодолимое событие. Однако влияние этого события на конкретные договоры может быть очень разным. Например, то, что в результате пандемии обезлюдели кинотеатры и торговые центры, понятно любому разумному наблюдателю. Но представим себе, что некая компания, эксплуатирующая торговые центры, в преддверии пандемии

продала один из своих моллов, а вырученные от продажи деньги положила на свой счет в иностранном банке. Если ею будут просрочены платежи по кредиту российскому банку, то она не сможет сослаться на пандемию, из-за которой она не должна платить неустойку. Таким образом, обсуждение пандемии сведется к обсуждению причинной связи между нарушением и пандемией.

Второй институт, который очевидно будет востребован в ближайшем будущем, это изменение обстановки (ст. 451 ГК). Обычно, рассказывая о доктрине изменения обстановки как основании для расторжения договора, я приводил в пример Германию, проигравшую Первую мировую войну. Лучшее всего то, что творилось тогда в стране, пережившей коллапс, можно прочувствовать, читая Ремарка (в первую очередь — «Черный обелиск»). В принципе, мы находимся сейчас в похожей ситуации: экономического краха (пока, во всяком случае) нет, но экономические последствия пандемии очень серьезные (хотя есть еще и экономический кризис, вызванный падением нефтяных цен, и этот фактор тоже надо учитывать). Кроме того, я думаю, что и ст. 401, и ст. 451 ГК имеют в виду одно и то же событие, но описывают его разные последствия для договорных отношений. Если мы согласны с тем, что пандемия коронавируса — это непреодолимая сила, то тогда нет никаких причин не считать ее основанием для расторжения договора.

Наконец, третий важный институт — это прекращение обязательств невозможностью исполнения в связи с изданием акта государственного органа (ст. 417). Да, к этой норме выдвинуто много содержательных претензий, но она есть, и суды не смогут ее проигнорировать.

Госорганы ударили по пандемии «законореей» — издали множество низкокачественных актов, содержащих в основном запреты, адресованные гражданам и бизнесу. Разумеется, именно эти запреты и должны рассматриваться как основание для прекращения договорных обязательств. Надо понимать, что в ст. 417 ГК речь идет о прекращении элементарной частички договорного отношения — конкретной обязанности стороны, которой противостоит право другой стороны договора.

На мой взгляд, самый главный пример — это акты госорганов, адресованные собственникам торговых центров, об их закрытии. Это прекратило обязательство арендодателя по обеспечению арендатору возможности пользоваться торговой секцией (конечно, здесь надо разбираться, какая была аренда — владельческая или пользовательская, и изучать иные сопутствующие обстоятельства). Но дальше надо обсуждать, какие последствия такое прекращение обязательства повлечет для стороны контракта. Я думаю, что разумнее всего дать возможность стороне договора, которая столкнулась с невозможностью контрагента исполнить договор в связи с актом государственного органа, приостановить исполнение своих обязательств, а если в разумный срок возможность исполнения не будет восстановлена, отказаться от договора (ст. 328 ГК).